

ИГОРЬ БОЧКИН:

Беседа - 2007. - 15-21 фев. - с. 16.

В ЭТОЙ ЖИЗНИ ДЛЯ МЕНЯ МНОГО ЗАГАДОК И ВОПРОСОВ

17 февраля известный российский артист Игорь БОЧКИН отметит свой 50-летний юбилей. Когда-то давно, еще будучи подростком, он по воле случая попал в кино. Просто подошли на улице и задали вошедший для многих вопрос: "Мальчик, хочешь сниматься в кино?" Но, как считает сам Бочкин, его творческий путь начался отнюдь не тогда, но много позже, когда пришло настоящее понимание профессии. После окончания ГИТИСа он работал в Театре имени Гоголя, последние 10 лет — в Театре имени Пушкина. Там же год назад поставил свой первый спектакль — "Прошлым летом в Чулимске" по пьесе Александра Вампилова. Всероссийскую славу и статус "крепкого мужика", конечно же, принесло кино. За плечами артиста — десятки ролей, в том числе в таких наделавших в свое время шума картинах, как "ЧП районного масштаба", одном из первых сериалов "Горячев и другие". Он и сегодня популярен, востребован и очень работоспособен. Правда, как сам считает, стал спокойнее и мудрее.

— Игорь Иванович, счастливый случай в детстве что-то предопределил в вашей биографии? Стал неким знаком, сигналом?

— Ничего не предопределил. Никогда я не собирался становиться артистом. Ни-ког-да. И детские съемки в кино ни в коем случае меня к этому не подвели. Даже мысли такой не возникло.

Я не знаю, откуда это взялось. Почему я, пройдя армию, вдруг пошел поступать в театральный институт? Почему поступил, как в сказке? Не мучили меня, не заставляли ни читать, ни плясать, ни этюды показывать. Я только успел рот открыть, как оказался принят. Действительно, сказка какая-то. Тем более что меня сразу брали и в Щукинское училище, и в ГИТИС. Что меня на это толкнуло, только Бог один знает, а мы у него спросить не можем. Ни в какой самостоятельности я не участвовал никогда в жизни, стихов с табуретки не читал, зайчиком не наряжался. Ничего этого не было. Думаю, что мой папа, который умер, когда мне было десять лет, до сих пор оттуда удивляется: как это случилось? Как мамочка такое допустила?

— И что, ранний съемочный опыт совсем не понравился?

— Не то чтобы не понравился. Просто не было никакого опыта. Ведь дети сопливые, которые снимаются в кино, они как звери. Недаром же в кинопроизводстве дети "привариваются" к животным, на них выделяется большее количество пленки, чем на взрослых актеров. Надо же еще добиться от ребенка определенного результата, дети ведь ничего в этом процессе не понимают. И то, что ими сыграно, на следующий день абсолютно забывается. А понимание профессии приходит очень не скоро. Я, например, начал понимать, что это такое, только спустя три-четыре года пребывания в ГИТИСе, а потом у Бориса Юбуловского, который взял меня со студенческой скамьи и привел в Театр имени Гоголя.

— Вам хотелось работать именно там?

— Тогда мне было все равно, в какой театр идти. Это сейчас абитуриенты могут выбирать педагога, а выпускники — театр. Тогда этого не было. Меня название театра не волновало. Зато там я играл все, в том числе и в таких известных спектаклях, как "Пролетая над гнездом кукушки" и "Берег". Там же когда с моими "социальными" данными дал мне сыграть Княжко в "Береге"? А Юбуловский дал. Один великий сказал: "Артиста делают роли!" И если бы не эти роли в Театре имени Гоголя, думаю, сейчас бы мы с вами не общались "в преддверии" моего юбилея. Но случилось то, что случилось: досрости мы и до народных артистов, и "Культуре" приходится у меня интервью брать.

— А с чем связано ваше расставание с Театром имени Гоголя?

— Все очень просто, такое случается во многих театрах. Борис Гаврилович "съезди" в конце концов. Как говорят: "Театр — это храм". Храм-храм — и нет человека. Юбуловский воспитал очень многих артистов, они же его потом и предали. Он ушел, а я "перевос-

дом" очутился в другом театре.

К тому времени у меня уже случилось знаменательное событие в жизни под названием "ЧП районного масштаба". Оно же одновременно стало событием в развитии советского кинематографа. Евгений Евтушенко тогда написал: появился фильм-катастрофа, фильм-бомба. Я стал уже "другим" Бочкиным. А с новым художественным руководителем театра Сергеем Яшиным мы не нашли общего языка, он слишком долго искал для меня пьесу. Я же не люблю, когда процесс ожидания сильно затягивается. Артист, к сожалению, расхолаживается. Короче говоря, ждать я не стал. И ушел туда, куда позвали на конкретные роли. Сегодня могу сказать Сергею Ивановичу спасибо за то, что я не остался в Театре имени Гоголя, что не засосало меня "болото Курского вокзала".

— Удалось ли вам сбалансировать свою театральную и кинокарьеру?

— Я почти 30 лет выхожу на сцену. Был лишь небольшой перерыв, когда у меня возникло много работы в кино. Сейчас-то уже худруки и главные режиссеры стали приветствовать желанье артистов сниматься. А раньше не все, как, скажем, Марк Захаров, понимали, что узнаваемость и популярность актеров работают на пользу театру. Да, я могу гордиться какими-то своими театральными ролями. Но кто помнит моего Царя Эдила или нашу с Верой Алентовой "Варшавскую мелодию"? Кто это видел? Только московский зритель. Тем более что наступили тогда времена, когда по причине нерентабельности прекратились гастроли и мы эти спектакли, к сожалению, нигде не возили. Правда, очень обидно, когда сегодня об актерах судят в основном по жутким, страшным, чудовищным сериалам, в которых я в принципе не снимаюсь. Меня спрашивают: "Почему?" — отвечаю: "Потому!" — и как бы ответ понятен. (Смеется.)

— Многие современные популярные актеры совершают лишь театральные набег, а не состоят в труппе, что накладывает много обязательств. Для вас это принципиально?

— Я считаю, что это не только принципиально, но просто обязательно для актера. Все уважающие себя актеры работают в театре. Значит, людей что-то настоящее здесь держит. Я считаю, что театр — это и есть настоящее. А кино — не очень.

— Даже хорошее кино?

— Почему средний артист может классно выглядеть на экране? По очень простой причине. Хороший режиссер, оператор, монтажер плюс камера — это очень хорошая команда. Но порой тот же самый артист без посторонней помощи ничего не может сделать на сцене.

Театр — это дело живое, со своей болью. Ты выходишь на сцену в семь часов вечера. До этого времени еще нужно дожить, сохранить энергию. А в кино — собрался и выдал что-то за 15 минут, если ты профессионал, конечно. И эти твои 15 минут могут стать гениальными.

И. Бочкин

— Что в творческой судьбе имеет большее значение — собственная активность или случай? Вы, судя по всему, не любите сидеть и ждать, но пытаетесь как-то повлиять на процесс?

— Нет, я не такой. У нас же все равно профессия зависимая, к сожалению. Но, по-моему, я в жизни никогда ничего не просил. Хотя ходят легенды о многих известных артистах, которые открывали двери на "Мосфильм" или "Ленфильм" с вопросом: вам не нужны артисты с такими лицами? Но как сказал один великий по фамилии Немирович-Данченко: "Артиста делают талант, работа и случай". Последний, мне кажется, важнее всего. Все случайно в этой жизни. В свое время совершенно случайно я познакомился с человеком, который ввел меня в киношный круг. Бог, наверное, посмотрел на меня и подумал: "Очень хочет этот парень что-то такое сыграть, сделать, не зря же он в эту профессию пришел". Да, кому-то везет больше, кому-то меньше, а кому-то не везет совсем. Я не люблю слова "периферия", но сколько в наших провинциальных театрах — в Омске, Челябинске, Новосибирске — замечательных артистов, которых никто не знает. А они, думаю, могут еще нам всем фору дать.

— А если счастливые случайности вдруг перестанут вас баловать?

— Дай бог, чтобы этого не случилось. Страшно даже думать на эту тему. Хотя у меня много разных okazji было в жизни. Я и в страшную автострафика попал, когда вообще вставал вопрос о выживании. И через две реанимации с сердцем прошел. Так что вопросы эти, конечно, возникают, но пусть они останутся во мне.

— При незнании режиссерской профессии как же вы рискнули ею заняться?

— Все очень просто. Надо было артисту Бочкину что-то играть. Мы с Романом Козаком очень долго искали пьесу, которую можно было бы поставить с моим участием. Могу назвать несколько драматургических имен, чтобы вы поняли, насколько серьезными были эти поиски: Солженицын, Астафьев, Чехов, Гоголь. Беда в том, что сейчас новой драматургии нет. Доходило до того, что сам Козак собирался писать инсценировку какого-то произведения. И тут возник Вампилов. Не надо думать, что вдруг: Я вообще Вампилова обожаю, и идея с "Чулимском" давно в театре витала. Но так сложилось, что Козак в это время репетировал "Самобийцу". И когда возник вопрос о том, кто будет ставить Вампилова, я предложил сам попробовать.

— При обожании Вампилова почему вы остановились именно на этой пьесе?

— Просто я очень ясно понимал, про что эта пьеса, как и для чего ее надо ставить. А вот когда мне в одной антрепризе предложили сыграть Зилова в "Утиной охоте", я отказался. Я не понимаю этой пьесы и не стесняюсь в этом признаться. "Утиная охота", по-моему, устарела. Там очень много вещей, которые непонятны современному зрителю. Что же касается "Чулимска", то эта пьеса еще и равнозначна в отношении героев. Есть ведь произведения, где два-три главных персонажа, а остальные крутятся вокруг да около. Я этого никогда не любил. В "Чулимске" же каждый из девяти персонажей несет колоссальную нагрузку. Там все главные.

— Вы собираетесь продолжить режиссерскую карьеру?

— Не знаю, будет ли следующий шаг. Может ведь случиться, что жизнь больше подобного шанса и не даст. А может, я и сам не рискну. Тогда я понимал и пьесу, и что с ней надо делать.

А сейчас вот с ходу я не могу назвать какую-нибудь другую вещь. Хотя я очень многие пьесы люблю. Но как к ним подойти, дотронуться? Я бы, например, с удовольствием сыграл Суллова в "Дачниках". Я понимаю, что движет этим человеком. Или того же Лопухина в "Вишневом саде". Но сама пьеса для меня — загадка. Кто такая госпожа Раневская? Почему "Вишневый сад" — комедия, как нас в институте учили? Несчастного дедушку в финале забивают под торжествующие крики: "Я купил!" Мне эта загадка не по силам, хотя отдельные роли понять могу. Все-таки режиссура — это великая профессия, к которой я пока отношения не имею. А "Чулимск" — не более чем актерская попытка воплотить на сцене мое понимание пьесы и собственное мироощущение. Тем более на сцене родного театра. Это ведь совсем не то, что приехать в другой город и спросить: "А не хотели бы вы, чтобы я спектакль у вас поставил?" Думаю, подобных порывов у меня и не будет. К тому же я сейчас приступил как актер к репетициям спектакля по пьесе Вуди Аллена. Надо это сделать хорошо.

— А разве одно другому мешает?

— Я не очень люблю артистов, которые распяляются. Меня изумляют некоторые, умудряющиеся сниматься в десятки сериалах сразу, причем везде они появляются в одном костюме. Для меня это загадка. Хотя и разгара ясна: кушать надо, за квартиру платить, дети и прочее. Поэтому это вещи индивидуальные. Каждый делает то, на что, как он считает, имеет право.

— Вы себя в правах ограничиваете?

— Я считаю, что не имею права сниматься в пяти картинах и участвовать в пяти сценических проектах одновременно. Пусть я за год сделаю одну-две вещи, но хорошо, чтобы не бы-

ло стыдно. У меня вообще слишком развито чувство стыда. Это, наверное, даже мешает иногда. Некоторые ведь работают, полагаясь на "авось": а вдруг получится? И режиссеры порой снимают по три-четыре картины сразу, что-нибудь да выйdet. Может быть, кто-то со стыда умрет в подобной ситуации, будет сидеть дома и пить горькую. А другой получит свои гонорары и продолжит спокойно существовать. Он — счастливый человек, купил себе новую машину или дачу. Но, я думаю, не это самое главное. Жизнь, во всяком случае, это доказывает.

— Сегодня многие актеры, достигшие солидного возраста, с азартом бросаются в сценические и кинематографические авантюры, авангардные дела, связанные с модными режиссерами, дабы остаться на плаву. Вас туда не зовут или сами не идете?

— Не буду Бога гневить, я иногда получаю приглашения в такие проекты. Ведь как принято говорить: если у тебя не звонит телефон, лучше удавиться. Но у меня пока хватает сил от подобных предложений отказываться и в антрепризах, и в кино. Я вниманием не обделен. Хотел бы большего, так и было бы больше. Но каждому — свое.

— А как же пристальный интерес к актеру публики и прессы? Интерес подчас скандального характера, которого многие жаждут?

— Многие, но далеко не все, иначе опять же можно было бы удивиться, потому что не с кем стало бы общаться. Может быть, уже поздно, пусть скандальная слава находит молодых.

Опять же многие артисты рвутся на фестивали, чтобы лишний раз засветиться. Но про меня все знают: звони не звони Бочкину, он не поведет тусоваться. И я считаю, что это мой глос. Мне уже это не интересно. Я в свое время наездился и призы получал. Понимаете, когда у тебя есть достойная картина, есть, что показать, тогда другой вопрос. А нет так нет. Поезд ушел.

— Кризис среднего возраста?

— В смысле?

— В смысле, что многое поздно. А многое хочется начать заново, бросив притом старое.

— Нет, я не говорю "поздно". Просто мне уже становится неинтересно. У меня было десять антрепризных проектов. Не думаю, что многие артисты могут этим похвастаться, разве что пятачок наберется таких. Так вот, из семи антреприз я ушел сам, в силу собственных критериев. У меня очень высокая планка. Если меня что-то не устраивает, я уйду, даже если жена что-то будет говорить про деньги или предстоят выгодные гастроли. Мне это уже не нужно.

— Для антрепризы высокая планка в принципе проблематична.

— Да, но хорошие антрепризы есть. Хотя я часто иду смотреть чужие работы и ухожу если не через 20 минут, то уж после первого акта точно. И удивляюсь, как люди в зале это "едят", смеются. Но наша профессия вообще — загадка. Пусть она загадкой и остается. Одному ведь очень нравится артист Бочкин, другой скажет, что знает много бездарностей, но такого ужаса никогда не видел. И кто прав? Каждому — свое.

— Вы — фанатик профессии или можете с удовольствием отвлечься на иные жизненные увлечения?

— В какой-то мере мои экстремальные увлечения скорректировал инфаркт, случившийся три года назад. Но я это не совсем оставил. Если у меня есть время на участие в каком-либо экстремальном проекте, я всегда даю согласие. Прошлым летом были "Большие гонки", теперь вот мы недавно вернулись с Альпийских гор. Мне это интересно. Я дружу со многими спортсменами. Позавчера, например, был на баскетболь-

ном матче, это хорошая подпитка. Футбол очень люблю.

— Знакомо ли вам чувство зависимости по отношению к суперуспешным актерским карьерам других?

— Не скрою, я всегда завидую актерам, которые попадают в хорошую компанию, получают приличный сценарий, яркую роль. Это замечательно. Я смотрю, учусь, питаюсь. Но если что-то мне не нравится, то не убедят меня никакие "Маски" и "Чайки". Наоборот, много вопросов возникает, потому что это все большие загадки. Когда-то я переживал по этому поводу. Сейчас отношусь нормально.

— А что за вопросы возникают?

— Каковы критерии отбора "самого лучшего"? Вопрос "почему?" существует. Не о себе говорю. Обо мне столько уже написано — и плохого, и хорошего, что мне уже все равно. Но ведь я, пусть не до конца, все же понимаю, что хорошо, а что плохо. Это зритель может не знать каких-то вещей, но у нас-то очень узкий круг, мы знаем друг о друге все, включая то, кто сколько и чего стоит. Понимаете, если человек не задает сам себе вопросов, он просто идиот. Правильно? Если мы будем на все равнодушно смотреть, мало хорошего из этого выйdet. Я переживаю за свой театр. Кстати, у меня и здесь вопросы возникают: и по поводу своих работ, и в отношении других спектаклей. Но это нормальные вопросы в нашей профессии.

— Вы послушный артист?

— Во всяком случае, я сначала делаю то, что мне предлагает режиссер. Хотя среди них тоже встречаются клинические идиоты, самовлюбленные, никакого отношения к профессии не имеющие. Мне доводилось и с такими работать. Но если режиссер умница, то он поймет, когда актер предложит что-то свое, быть может, более правильное. Понимаете, ты в своей актерской профессии отвечаешь только за себя. А режиссер — за все. Поэтому он должен иметь мозги и понимать процесс целиком.

— Не хочется ли вам поделиться своим опытом с молодыми, начать преподавать?

— Ох, я слишком нервный человек. Я всегда удивляюсь педагогам и режиссерам, которые могут оставаться мудрыми и спокойными. У меня этой мудрости пока нет. Нужно иметь такое терпение, такую веру в молодых. А я начинаю сразу дергаться, обижаться, оскорблять. А дома потом отхожу, принимаю себя "есть", я ведь страшный самоед. Получается, что я не могу даже элементарные вещи объяснить так, чтобы человек сразу понял и сделал. Это — дар. Это страшно, трудно, ответственно. Надо быть очень смелым человеком, чтобы позволить себе учить других. Так что я пока останусь актером, это тоже немало.

— Накануне юбилея вы готовы поблагодарить судьбу за то, что она вам дала?

— Может быть, и судьбу тоже. Но прежде всего за все то, что у меня случилось в жизни, я благодарен своим родителям. Особенно маме, потому что мой отец, к великому моему горю, очень рано умер. Мама осталась вдовой в 36 лет. И она взвалила на себя не очень-то "гладенького" и послушного мальчишку. Мы должны любить, ценить наших родителей, быть благодарными. Ведь что бы ни случилось потом, им мы обязаны самым главным — тем, что появились на свет. Что тебе дали в детстве, как воспитали, то и станешь потом основным в твоей жизни. Совесть, честность, порядочность — все это идет от родителей. И мы все должны с честью нести эту память о самых дорогих и близких нам людях.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ